

Иваны, Евгений Замятин

А еще была такая деревня Иваниха, все мужики Иваны, а только прозвища разные: Самоглот Иван (во сне себе ухо сжевал), Оголтень Иван, Носопыр Иван, Соленые Уши Иван, Белены Объялся Иван, Переплюй Иван, – и не перечесть, а только Переплюй – самый главный ихний. Которые скородят, сеют, а Иваны – брюхами кверху да в небо плюют: кто переплюнет.

– Эх вы, Иваны! Пшеницу бы сеяли!

А Иваны только сквозь зубы: цырк.

– Вот на новых землях, слышать, действительно поше-ница: первый сорт, в огурец зерно. Это – пошеница, да...

И опять: кто кого переплюнет.

Лежали этак – лежали, и привалило Иванам счастье невесть откуда. Топот по дороге, пыль столбом – конный по Иванихе, объявление привез: которые Иваны на новые земли желают – пожалуйте.

Осенили себя Иваны крестным знаменем, изо всей мочи – за хвост конному, и понесло, только рябь в глазах: церковь – поле, поле – церковь.

Спустил конный: ни жилья, ничего, на сто верст кругом – плешь, и только по самой по середке крапивища стоит, да какая: будылка в обхват, на верхушку глянь – шапка свалится, а стрекнет – волдыри в полтинник. Колупнули Иваны землю: черная – вар сапожный, жирная – масло коровье.

Ну, братцы, скидавай котомы: самая она и есть – первый сорт.

В кружок сели, краюху пожевали с солью. Испить бы – да и за дело. Туда-сюда: нету воды. Делать нечего, надо колодец рыть.

Взялись, это. Земля – праховая, легкая, знай комья летят. А Переплюй нет-нет да и остановится, глаза прижмурит.

– Ой, братцы, должно быть, и вода же тут: сладчищая, не то что у нас...

А тут как раз об камень железо – дрынь! Каменина здоровый. Вывернули – ключ забил. Черпанули в корцы, попили: холодная, чистая, а вода как вода.

Переплюй только сквозь зубы – цырк:

– Этакой-то в Иванихе сколько хошь. Глубже бери: тут первый сорт должна быть, а не то что...

Рыли-рыли, до темной ночи рыли: все то же. Под крапивищей ночью проворочались, с утра опять рыть. А уж глубь, жуть в колодце, черви какие-то пошли, поганые, голые, розовые, мордастые. Роят-пороют, пристанут Иваны, призадумаются. А Переплюй сверху – еле-еле слышать:

– Глубже, братцы, бери! Самую еще малость нажать! И дошли тут до какого-то сузему:

крепкий – скрябка не берет, и вода мешает – воды порядочно, все такая же, как в Иванихе. Лом взяли: тукнут, а оттуда гук идет, как из бочки, пещера, что ли. Тукнули, это, еще посильней: как загудит все – да вниз, и вода вниз, и щебень, и комья, и инструмент весь, глаза запрашило, оглохли, еле на прилипчке каком-то сами удержались.

Протерли глаза Иваны, глянули под ноги... С нами крестная сила! Дыра – а в дыре небо синее. Вверх глянули: далеко, чуть светится небо синее. С нами крестная сила: проколупали землю насквозь!

Сробели, шапки в охапку да наверх драла: Самоглот – Оголтню на плечи, Оголтень – Носопыру, Носопыр – на Солёные Уши, Солёные Уши – на Белены Объялся, так и выбрались.

Выбрались – первым делом Переплюю бока намяли. Манатки в котомы да назад в Иваниху: без воды, без инструмента куда же теперь? Только и утети, что по щепоти новой земли в Иваниху притащили.

Соседям показывают, а соседи не верят:

– Бреши, бреши больше; кабы такая земля где была, так неужто бы назад вернулись?

А про это, как насквозь проколупали, никак и рассказать нельзя: засмеют. Так брехунами Иваны и прослыли, и по сию пору никто не верит, будто на новых землях были. А ведь были же.

1920 год